

DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-174-189

УДК 94(47).081

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ КОНСЕРВАТИВНО- ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х–НАЧАЛЕ 1860-х гг.¹

Завьялова Оксана Олеговна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
zavyalova@sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются сходства и различия идейно-теоретических воззрений представителей славянофильской общественной мысли и тяготевшей к ним пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края. Проводится сравнительный анализ их взглядов на политику интеграции региона в состав Российской империи. Особое внимание уделяется конкретным примерам эпистолярной властно-общественной коммуникации середины XIX в., затрагивающей наиболее актуальные внутривластные проблемы России рассматриваемого периода. Российских и региональных общественных деятелей, чьи воззрения анализируются в статье, вслед за Д.А. Бадаляном можно охарактеризовать как православных монархистов, идейные позиции и общественная деятельность которых базировались на идеологическом лозунге «Православие-Самодержавие-Народность», однако с иной расстановкой его ключевых элементов и наполнением их другим содержанием. Эмпирическую основу исследования составили письма и записки православных монархистов, адресованные представителям российской власти, а также их публицистические работы, в которых отразились воззрения на польский вопрос и представлена оценка национальной политики имперских властей в отношении Северо-Западного края.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, М.О. Коялович, Иосиф (Семашко), пророссийски ориентированная общественность, национальная политика, публичная сфера.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00080 «Актуальные проблемы развития Российской империи в воззрениях пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края в 1850-е–1870-е гг.».

INTEGRATION OF THE WESTERN SUBURBS THE RUSSIAN EMPIRE IN THE VIEWS OF THE CONSERVATIVE-PATRIOTIC PUBLIC OF THE NORTH-WESTERN REGION IN THE SECOND HALF 1850s–EARLY 1860s

Zavyalova Oksana O.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
zavyalova@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the similarities and differences in the ideological and theoretical views of the representatives of the Slavophil public thought and the pro-Russian-oriented public of the North-Western Territory that gravitated towards them. A comparative analysis of their views on the policy of integrating the region into the Russian Empire is carried out. Particular attention is paid to specific examples of epistolary public communication of the middle of the 19th century, affecting the most pressing internal political problems of Russia in the period under review. Russian and regional public figures, whose views are analyzed in the article, following D.A. Badalyan can be characterized as Orthodox monarchists, whose ideological positions and social activities were based on the ideological slogan “Orthodoxy-Autocracy-Nation”, but with a different arrangement of its key elements and filling them with different content. The empirical basis of the study was letters and notes of Orthodox monarchists addressed to representatives of the Russian authorities, as well as their journalistic works, which reflected their views on the Polish question and presented an assessment of the national policy of the imperial authorities in relation to the North-Western Territory.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, M.O. Koyalovich, Joseph (Semashko), Pro-Russian oriented public, national policy, public sphere.

Цитирование: Завьялова О.О. Интеграция западных окраин Российской империи в воззрениях консервативно-патриотической общественности Северо-Западного края во второй половине 1850-х–начале 1860-х гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 174–189. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-174-189 / Zavyalova O.O. Integration of the Western Suburbs the Russian Empire in the Views of the Conservative-Patriotic Public of the North-Western Region in the Second Half 1850s–Early 1860s, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 4. Pp. 174–189. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-174-189.

© Завьялова О.О., 2023

Во второй половине 1850-х–начале 1860-х гг. в Российской империи сложилась особая общественно-политическая ситуация, ознаменовавшаяся «политическим оживлением» российской общественности и стремлением ее представителей указать на основные проблемы внутривластного развития страны, которые накопились в предшествующий период и привели к поражению России в Крымской войне (1853–1856 гг.). Первые годы царствования Александра II стали периодом формирования пространства конструктивной властно-общественной коммуникации на основе как косвенного, так и прямого диалога государственных и общественных деятелей, происходившего в различных формах.

Стремление донести до имперских властей свое видение основных проблем страны, вступающей в новый период развития, охватывало и региональную общественность. В период общественно-политического подъема второй половины 1850-х–начала 1860-х гг. произошла активизация деятельности пророссийски ориентированного образованного общества в Северо-Западном крае, наиболее видные представители которого выступали поклонниками и выразителями славянофильской консервативно-патриотической доктрины, привнося в нее новые смысловые «оттенки», обусловленные спецификой общественно-политической жизни в северо-западных губерниях. По мнению современного исследователя А.А. Тесли, все основные линии славянофильской доктрины сходились в польском вопросе [Тесля, 2021, с. 193; Наследие Речи Посполитой..., 2022, с. 9, 108]. Не менее остро и злободневно польская проблематика была представлена в творчестве идейно близких к славянофилам представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края, ориентированных на поддержку имперской национальной политики в регионе. Для них польский вопрос выступал «жизненным вопросом», а его обсуждение встраивалось в контекст борьбы с полонизацией местного населения – «западнорусского народа», на поддержку и нравственное развитие которого были направлены их интеллектуальные усилия.

В рамках рассматриваемой проблемы значимыми представляются работы, в которых представлено отношение славянофилов к официальному лозунгу «Православие–Самодержавие–Народность», а также определены точки пересечения и различия между уваровской триадой и учением славянофилов [Бадалян, 2021, с. 81–82; Бобровских, 2015, с. 185]. В современной отечественной и белорусской историографии проводился анализ взаимосвязей идейных позиций славянофилов и представителей пророссийски ориентированной общественности, связанной с Северо-Западным краем [Иванова, 2005; Игнатов, 2020, с. 136–137]. Некоторые идейные связи между белорусской консервативной интеллигенцией православного вероисповедания и славянофильством были проанализированы А.А. Киселевым [Киселев, 2010]. Анализ публицистического творчества ряда окраинных русских консерваторов первой половины 1860-х гг., тяготевших к славянофильской версии национализма, представлен в работе А.Э. Котова [Kotov, 2022, p. 76]. Позиция рассматриваемой группы деятелей также встраивается в проблематику русского современного национализма, представители которого отделяли «русское» от русского самодержавия, придавая последнему «демократический» характер [Дворниченко,

Котов, 2023, с. 127–128; Котов, 2022, с. 327]. Ряд смежных с рассматриваемым вопросом проблем затронуты в коллективной монографии «Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве», посвященной отражению польского вопроса в отечественной общественной мысли XIX столетия. Авторы монографии отмечали, что русские мыслители при обсуждении польского вопроса сосредотачивали свое внимание преимущественно на проблеме разграничения русского и польского, на статусе западнорусских губерний [Наследие Речи Посполитой..., 2022, с. 8]. При этом региональных публицистов северо-западных губерний при обращении к польскому вопросу отличало отрицание самой возможности примирения с поляками [Забытые страницы польского вопроса..., 2022, с. 11]. Воззрения одного из видных представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края данного периода – митрополита Литовского Иосифа (Семашко), стоявшего на славянофильских идейных позициях, рассматривались в работе А.А. Комзоловой [Комзолова, 2020, с. 160–161].

Сравнительный анализ взглядов представителей пророссийски ориентированной региональной общественности, сохранявшей лояльность имперским властям в условиях эскалации русско-польского конфликта, позволит дополнить представления об оценке интеллектуалами эффективности национальной политики имперских властей в отношении Северо-Западного края. В данном исследовании поставлена проблема выявления сходств и различий идейно-теоретических воззрений представителей славянофильской общественной мысли и тяготевшей к ним пророссийски ориентированной общественности северо-западных губерний, а также их оценка политики интеграции края в состав Российской империи. Особое внимание уделяется конкретным примерам эпистолярной властно-общественной коммуникации середины XIX в., затрагивающей наиболее актуальные проблемы рассматриваемого периода.

Для развития славянофильской доктрины период второй половины 1850-х–начала 1860-х гг. стал качественно новым этапом, когда славянофилы, представляя собственную оценку кризисной ситуации в стране, стали творцами «программы» реформ, идущей «снизу» – от представителей российской общественности, и оказавшей существенное влияние на общую концепцию преобразований 1860–1870-х гг. Тяготевшие к ним представители пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края помимо этого стремились также к развитию в местном обществе как общерусского, так и «западнорусского» самосознания. Следует согласиться с современным исследователем Д.А. Бадаляном, охарактеризовавшим их, как «православных монархистов», идейные позиции и общественная деятельность которых базировались на идеологическом лозунге «Православие-Самодержавие-Народность», разработанном в период правления Николая I. Появление понятия «народность» в официальной идеологической доктрине свидетельствовало о попытках использования элементов националистической политики для консолидации населения Российской империи [Миллер, 2009, с. 155]. Известная уваровская триада, по словам И.С. Аксакова, выражала «существенные стихии русской государственной и земской жизни», однако сами славянофилы на протяжении десятилетий старались никак не проявлять своего отношения к этому лозунгу [Бадалян, 2021, с. 82].

Православные монархисты были согласны со значимостью ценностей, ставших основой идеологической триады николаевского царствования, но для них была характерна другая расстановка ее ключевых элементов, а также наполнение каждого из них иным содержанием. В славянофильской концепции и в идейной среде консервативно-патриотической части общественности Северо-Западного края первое место отведено православию, которое определяет народное самосознание и составляет основу русской народности. По мнению Ю.Ф. Самарина, «говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православной верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека» [Самарин, 2008, с. 429–430].

Представители пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края проецировали характерное для славянофилов понимание «народности» на историю «Западной России». Западнорусизм, формировавшийся в Российской империи в середине–второй половине XIX в., стал одной из мировоззренческих основ, на которой базировалось идейное творчество и деятельность лояльных имперским властям интеллектуалов Северо-Западного края. С момента своего возникновения западнорусизм, как особое идейное и общественно-политическое течение, включал ряд консервативных ценностных установок, тесно переплетался со славянофильским национальным консерватизмом, базировался на славянофильской триаде «Православие-Народность-Самодержавие», отличавшейся от уваровской иной расстановкой акцентов, выступал и как разновидность местной русской идентичности, и как основа для развития «донациональной идентичности» белорусов и малороссов [Долбилов, 2010, с. 493]. Вместе с тем рассматриваемую группу деятелей отличало осознание консервативно-демократической природы монархизма, закрепление за ним «цезаристского» характера, что противопоставляло их взгляды русскому сословному консерватизму [Котов, 2022, с. 328].

Уроженец Гродненской губернии, историк М.О. Коялович стал главным идеологом западнорусской общественности пророссийской ориентации. Его профессиональная деятельность была связана с Санкт-Петербургской Духовной Академией, однако весь свой публицистический талант он сосредоточил на осмыслении проблем своего родного Северо-Западного края. Огромную роль, которую Коялович сыграл в становлении идейно-теоретических и мировоззренческих установок лояльной российскому правительству региональной общественности, была отмечена в одной из статей «Литовских епархиальных ведомостей»: «Не живя в пределах Западной России, он был живым средоточием православно-русских интеллигентских ее сил. Его мысль и сердце всегда обращены были в западную Россию. Его дух всегда жил в ней... В исторических его трудах, в публицистических статьях и речах, в бесчисленных письмах, в устных беседах с ним — все наши западно-русские интересы, нужды задачи получали разрешение в духе высших общерусских начал» [Речи при погребении..., 1888, с. 289].

Подобно славянофилам, уделявшим в середине — второй половине XIX в. большое внимание роли образованного общества и общественного мнения в процессе

подготовки и реализации реформ, М.О. Коялович в начале 1860-х гг. одним из первых указал на скудость западнорусских общественных сил, опора на которые могла бы способствовать успеху правительственных преобразований в Северо-Западном крае. Историк стоял у истоков формирования западнорусизма, характеризуемого некоторыми современными исследователями, как одно из проявлений белорусского национального движения [Киселев, 2010]. Славянофильство он характеризовал как «лучшее русское воззрение», отличавшееся оригинальностью мышления, считая его «руководством» для понимания жизни Западной России [Коялович, 1886, с. 29]. Отмеченная Кояловичем заслуга славянофильской мысли в выделении русского народа, «как своеобразного и самобытного», была взята им на вооружение при осмыслении исторической судьбы «западнорусского народа», которая, по его мнению, была неразрывна связана с историей «единой русской цивилизации» [Коялович, 2011а, с. 341]. Историк, а вслед за ним его ученики и последователи стремились реализовать одну из задач, которая, по мнению славянофилов, стояла перед каждым народом и заключалась в необходимости самопознания. Для того, чтобы «добросовестно изучить коренные стихии... народности» было необходимо обратиться к истории, указывающей на «внутренние качества, которыми определяется сущность (субстанция) народного духа» [Корень русской народности..., 1861, с. 13]. Решение этой задачи ориентировало региональную общественность на выявление и изучение историко-культурных особенностей Северо-Западного края. Коялович последовательно развивал тезис о единстве великороссов и «западнорусского народа» — белорусов и малороссов, основанном на общности веры, языка и культуры. Подобно славянофилам, именно за православной религией и Русским государством он закреплял решающую роль в развитии народной нравственности и в укреплении межславянских политических, культурных и духовных связей.

В идейном отношении со славянофилами Кояловича также сближала оценка западноевропейского опыта государственной и общественной жизни, выявление пагубного влияния западных ценностей и европейского космополитизма на становление образованного слоя в Российской империи и в Северо-Западном крае, оторванного от простого народа в результате череды исторических событий. Однако, если славянофилы объясняли «разрыв образованных классов Русского общества с Русским народом» социокультурным расколом, произошедшим в результате преобразования Петра I, то Коялович причину подобного разрыва в Западном крае усматривал в многовековом польском владычестве, которое привело к тому, что простой народ его «оказался в уединении и не имеет выхода к лучшей жизни», а высшие образованные слои приняли польский культурный облик и предали западнорусские интересы [Коялович, 2006, с. 15]. Схожее мнение по данному вопросу выражал и другой уроженец Гродненской губернии, подполковник Генерального штаба П.О. Бобровский, называвший поляков в северо-западных губерниях «пришлым» элементом, которые «всегда были сильнейшей преградой к сближению родственных соплеменников — белорусов и малороссов с великоруссами, т.е. русских с русскими же». По словам Бобровского, польская шляхта в силу своей фанатичности стремилась «поглотить в своей ненасытной пасти всю русскую народность» [Бобровский, 1864, с. 3–4, 5].

Особое место в воззрениях Кояловича и других представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края занимало православие, выступавшее основой общерусской идеологии и мощным «инструментом» для развития симпатий по отношению к Российской империи среди местного населения [Коялович, 2011а, с. 342]. Одна из нормативно-ценностных констант консервативно-патриотической части пророссийски ориентированной общественности состояла в определении православия, как «сущности русской народности», придававшей ей мощный культурный и ассимиляторский потенциал. Подобно славянофилам представители лояльной российской власти общественности Северо-Западного края верили в «силу нравственного влияния» и возможность перевоспитания человека при помощи хороших учителей и наставников, а также в значимость духовной внутренней работы, которая может дать «надлежащее направление умам» духовенства и мирян [Коялович, 1869, с. 10, 26].

С приходом к власти Александра II интеллектуальная жизнь в Российской империи и на ее окраинах значительно активизировалась. В Северо-Западном крае местная общественность стремилась довести до представителей высших российских властей свои предложения по изменению образовательной и просветительской политики в регионе. Письма и записки становятся одним из основных каналов коммуникации образованного общества и власти во второй половине 1850-х гг., циркуляция которых свидетельствовала о расширении публичной сферы в Российской империи [Habermas, 1989, с. 6–7].

Во второй половине 1850-х гг. взгляды видного консервативного деятеля, православного монархиста М.П. Погодина отличались прогрессивностью и во многом сближались со славянофилами в высокой оценке исторической роли православия, необходимости органического единения царя с народом посредством старых форм государственного управления, неприятие крепостного права. Сразу же после восшествия Александра II на престол он отправил новому императору несколько писем, в которых помимо призывов расширения гласности и привлечения полезных людей к делам государственного управления, неоднократно затрагивал польский вопрос, от благополучного разрешения которого, по его мнению, во многом зависело успешное развитие России в целом. Следует отметить, что в первые годы царствования Александра II как в среде российской общественности, так и в правящих верхах по отношению к польскому обществу распространяется «дискурс примирения». Во второй половине 1850-х–начале 1860-х гг. пока еще никто не замечал или не хотел замечать того, что станет явным с началом восстания и будет лаконично выражено Ф.М. Достоевским, как презрение поляков к русским «варварам», чувство их неимоверной гордости и превосходства перед Россией своей европейской цивилизацией [Достоевский, 2015, с. 325]. В условиях запуска преобразовательного процесса и общего позитивного настроения на «всякую полезную деятельность» многим казалось, что «нравственное», прочное примирение русских с поляками вполне возможно, осталось только найти необходимый консенсус, урегулировать давние спорные моменты, призвать польское общество к совместной созидательной и преимущественно культурно-просветительской работе на благо общей родины.

Погодин стал ярким выразителем распространенного в русском обществе накануне Январского восстания 1863–1864 гг. настроения на примирение с поляками и забвение старых обид. Впервые в письмах к императору Александру II польская тема была затронута им в декабре 1855 г. в связи с кончиной в Константинополе в ноябре этого же года А. Мицкевича, «нашего славного врага, поэта и любимца всего польского народа», как писал о нем Михаил Петрович [ОР РГБ, ф. 231/1, к. 45, ед. 61, л. 4]. Погодин, узнавший о смерти поэта, в своем письме предлагал императору принять под покровительство оставшихся у Мицкевича вдову и шестерых малолетних детей, находящихся в нужде, «выдавая ежегодно матери известную сумму денег...» для воспитания детей и принять их в «какое угодно русское учебное заведение» [ОР РГБ, ф. 231/1, к. 45, ед. 61, л. 4]. По мнению Погодина, «такое благодеяние отзовется не только между всеми поляками, но и вообще в Европе» и привлечет к русскому императору много сердец. Благодеяние в отношении семьи известного деятеля польской культуры идеально вписывалось в планы Погодина по примирению российского правительства с Польшей и поляками. Однако, по всей видимости, император не откликнулся на предложение историка, и семья Мицкевича была обеспечена силами польского общества, организовавшего для этого специальную подписку и в дальнейшем находилась под покровительством польской эмиграции [Мицкевич, 1882, с. 11].

В марте 1859 г. Погодин в очередном письме к императору вновь затрагивает польский вопрос. Обращаясь к Александру II, историк отмечает: «Время знаменательное. Надо пользоваться обстоятельствами — так учит опыт... Вы призваны сделать великое дело не только в России, но и в Европе. Отдайте Польше старую Александровскую конституцию... чего никто запретить Вам не может». Совершение этого «великого дела», по мнению Погодина, позволит России занять «прежнее место в системе европейских государств» более того таким поступком русский император приобретет силы больше, чем потеряет власти и повысит свой авторитет на международной арене [ОР РГБ, ф. 231/1, к. 45, ед. 61, л. 9]. В этом письме Погодин значимо подчеркивает: «Литература за Вас», тем самым убеждая императора, что общественность поддержит его решение.

Совершенно другую позицию по отношению к польскому обществу и оценке примирительных мер царствования Александра II занял один из видных представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края Митрополит Литовский Иосиф (Семашко), подобно М.О. Кояловичу разделявший основные идейные установки славянофильской доктрины. Иосиф (Семашко) своей общественной и профессиональной деятельностью заслужил славу одного из «лучших защитников и поборников западнорусского народа» [Коялович, 1869, с. 1]. По собственным словам митрополита, он испытывал глубокое отвращение к полякам, которых он называл не иначе как «притеснителями» простого народа в Северо-Западном крае, и это чувство развилось в нем под влиянием «местного духа» [Иосиф (Семашко), 1883, т. I, с. 2–3]. Иосиф (Семашко) одним из первых повел решительную борьбу с последствиями полонизации северо-западных губерний в сфере духовного образования, в первую очередь обратив внимание на языковую проблему в крае. В документе под названием

«Черновое отношение к Д.Н. Блудову от 30 сентября 1830 г., об осмотре греко-униатских семинарий и духовных училищ» ему удалось доказать, что польский язык является иностранным для населения земель, где располагались греко-униатские епархии, ссылаясь при этом на то, что весь «греко-унитский народ говорит русским языком Белорусского или Малороссийского наречия», который является для них родным [Иосиф (Семашко), 1883, т. I, с. 572]. Кроме того, Иосиф (Семашко) предлагал ввести преподавание в греко-униатских семинариях на русском языке, что, по его мнению, способствовало бы лучшему усвоению учебного материала семинаристами. По сути, посредством реформирования системы духовного образования священник закладывал основы для формирования у представителей духовного сословия края общерусской национально-культурной идентичности. Его предложения встраивались в общее русло образовательной политики николаевского правительства, стремившегося по итогам осмотра светских учебных заведений Витебской и Могилевской губерний превратить их в действенное «орудие к поселению в тамошнем юношестве приверженности к русскому правительству и любви общего отечества» [Игнатовец, 2011, с. 81].

В период общественного подъема 1850-х гг. митрополит Иосиф, который, по его собственным словам «не мог не сообразоваться с новою политикой правительства» [Иосиф (Семашко), 1883, т. II, с. 557], дважды обращался к представителям российской власти, стремившись представить всю опасность общественно-политической ситуации, которая сложилась в Северо-Западном крае в результате многовекового господства полонизма и духовного доминирования католицизма. Военные неудачи России в Крымской войне 1853–1856 гг. и противостояние с коалицией могущественных европейских государств ориентировали представителей российской общественности на анализ всей совокупности причин поражения страны. Угроза, исходящая от стран Западной Европы в военный период, вела к появлению прогнозов самого неблагоприятного исхода военного противостояния и вызывало стремление указать российским властям на имеющиеся «слабые места» во внутриполитической жизни государства. Владыка Иосиф (Семашко), излагавший эти соображения в январе 1855 г. в конфиденциальном письме обер-прокурору графу Н.А. Протасову, подчеркивал также, что «латино-польская партия», сложившаяся в Северо-Западном крае, представляет собой «самое благоприятное управление» приготовленное здесь для врагов «в случае движения на Россию всего Запада» [Иосиф (Семашко), 1883, т. II, с. 546]. Другая значимая проблема, на которую Иосиф (Семашко) указывал в письме, была связана с необходимостью охранять десятиmillionную массу русского и литовского населения края от чуждого польского влияния, поддерживая среди них «общие народные основания», главным выражением которых выступает православная вера и русский язык [Иосиф (Семашко), 1883, т. II, с. 546–547].

Следует отметить, что всех православных монархистов и общероссийского и регионального значений отличала четкая идейная позиция в контексте спора об историко-культурной принадлежности Северо-Западного края. Нерешенность польского вопроса, выраженная в «неоконченной борьбе за обладание Западной Россией двух народов — русского и польского и двух государств» [Коялович, 1869, с. 43], выступала важным политическими фактором становления пророссийской

ориентации в образованном обществе северо-западных губерний. На схожесть явлений, которые предшествовали восстаниям и следовали за ними, указывал М.О. Коялович, отмечая «инстинктивное возбуждение русской строительной силы» накануне польских смут, стремившихся в одном случае к религиозному освобождению от поляков, а в другом – к свободе от польской крепостной зависимости [Коялович, 1869, с. 44].

Актуальная западнорусская проблема, связанная с необходимостью деполонизации западных губерний России, отразилась в творчестве рассматриваемой группы православных монархистов. Ее представители уделяли особое внимание вопросу о границах и статусе северо-западных губерний. Для российского правительства и русского образованного общества данный вопрос был делом вполне решенным, основанием чего, по словам И.С. Аксакова, выступала «нравственная законность» или «нравственные обязанности братства». Данные территории признавались «древними Русскими областями», населенными «кровными, единоверными братьями». Как отмечал И.С. Аксаков: «Тут мы стоим за народ, с народом и во имя народа, за правду воли народной, за его свободу и независимость, за угнетенных против угнетателей» [Москва 18-го ноября..., 1861, с. 2]. Представители региональной ответственности, лояльной российскому правительству, были полностью солидарны с данной точкой зрения.

Взгляды Кояловича на решение польского вопроса во многом сходились с воззрениями, распространенными в кругах русской общественности. Историк оценивал разделы Речи Посполитой, как закономерный исторический процесс, а присоединение белорусских и литовских земель к России рассматривал в русле официальной государственной риторики, как возвращение империей ранее ей принадлежавшего и воссоединение восточнославянских русских земель в «единой вере и державности». Исходя из этого, Коялович выступал против притязаний националистически настроенной части польского общества и окатоличенной знати западнорусских земель на поглощение этих территорий. По его мнению, польский государственный идеал был чуждым для западнорусов, тяготевших к общерусскому историко-культурному наследию [Коялович, 2011b, с. 596–597]. Вместе с тем Коялович резко осуждал лишение государственной самостоятельности «этнографической» Польши.

Свой взгляд на решение польского вопроса в феврале 1859 г. представил владыка Иосиф (Семашко), обратившийся к императору Александру II «с полным и ясным изложением положения Польши и Литвы между собою и в отношении к России» [Забывшие страницы польского вопроса..., 2022, с. 55–62]. В своем обращении он, подобно другим российским интеллектуалом, подчеркивал, что его целью было «откровенное изъяснение мыслей» о злободневных проблемах Северо-Западного края перед лицом верховной власти. В своей записке, направленной императору, владыка, в соответствии с официальной государственной концепцией, подчеркивал исконно русский характер земель Северо-Западного края, указывая, что в результате разделов Речи Посполитой Россия «возвратила только древнее свое достояние» [Забывшие страницы польского вопроса..., 2022, с. 56]. Подобно Н.М. Карамзину и

М.П. Погодину, включение в состав Российской империи территорий этнической Польши Иосиф называл «роковой ошибкой» Александра I, а Царство Польское характеризовал как «оплот для Франции и других наций, России недоброжелательных» [Забутые страницы польского вопроса..., 2022, с. 58]. Владыка вновь обращал внимание на острую проблему полонизации края, которая, по его мнению, препятствовала интеграционной политике российского правительства и исключала население Западной России из общего духовного и символического пространства империи.

В данной записке и в ряде других документов в качестве мощного инструмента устранения негативных последствий полонизации северо-западных губерний Иосиф рассматривал русскую приходскую школу, предлагая продолжение курса на реформирование системы народного и духовного образования в православном и «русском духе» путем распространения преподавания на русском языке для детей белорусских и литовских крестьян [Забутые страницы польского вопроса..., 2022, с. 58–59]. Он указывал на пагубные последствия для воспитания юношества образовательной политики, проводившейся в крае при Александре I и способствовавшей распространению польской грамотности и литературы «со свойственными ей понятиями польского патриотизма», враждебного России. Он призывал монарха продолжить политику Николая I по интеграции края в состав империи – «довершить это дело», направленное на распространение в крае русской грамотности и способствующее воссоединению западнорусского народа с общегосударственным духом России [Забутые страницы польского вопроса..., 2022, с. 59, 61].

Митрополит Иосиф (Семашко) особо отмечал, что российскому правительству необходимо опираться на православное население северо-западных губерний, высказывая осторожную критику относительно политики примирения с польским обществом, взятой на вооружение правительством Александра II и выраженной в «заигрывании» с «польской партией». Сам владыка отмечал, что его записка на имя императора «сделала эффект» и остановила «дальнейшее потворство полонизму» в крае [Иосиф (Семашко), 1883, т. I, с. 257]. Император через шефа Отдельного корпуса жандармов В.А. Долгорукова выразил благодарность Иосифу (Семашко) за предоставленную записку, однако, прочитав ее, оказался в некотором недоумении, ведь отступить от николаевской системы управления краем он не собирался [Rok 1863 na Mińszczyźnie..., 1927, s. 144].

Приведенные примеры властно-общественной коммуникации посредством писем и записок представителей консервативно-патриотической общественности общероссийского и регионального уровней демонстрируют уникальность общественно-политической ситуации в России во второй половине 1850-х гг. для налаживания диалоговой формы взаимодействия и даже сотрудничества между властью и общественностью. Данные контакты свидетельствуют об общем вкладе славянофилов и представителей региональной общественности в создание благоприятного для преобразований социокультурного контекста в первые годы царствования Александра II. Активизация интеллектуальной деятельности образованного общества

во второй половине 1850-х гг. насыщала публичную сферу в России значимыми преобразовательными идеями, ориентировала общественность на коммуникацию с верховной властью с целью корректировки различных аспектов государственной и национальной политики. Свои обращения к императору представители общероссийской и пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края воспринимали как право и одновременно, как выполнение гражданского долга. Верноподданническими по форме и содержанию рекомендациями и предложениями они стремились повлиять на формирование внутривластного курса, соотносясь со своими общественно-политическими взглядами и оценкой затрагиваемых проблем в близкой им общественной среде.

В рассматриваемый период в среде общероссийской и лояльной имперским властям общественности Северо-Западного края было распространено стремление содействовать власти в поиске возможных путей выхода из кризисного положения, в котором страна оказалась в период и после Крымской войны 1853–1856 гг. Вместе с тем для митрополита Иосифа (Семашко), как и для других представителей региональной общественности, было характерно обращение к конкретным проблемам или «обстоятельствам края», желание выразить перед лицом верховной власти собственный взгляд на польский и «западнорусский» вопросы. Митрополит Иосиф (Семашко) и по достоинству оценивший его заслуги М.О. Коялович внесли свой весомый вклад в формирование идеи «исконной русскости» Северо-Западного края, заявляя о необходимости идейного отпора его полонизации и развития местных западнорусских общественных сил, ориентирующихся на русские духовно-нравственные идеалы и традиционные ценности. Нарождавшаяся западнорусская общественность могла стать действенным инструментом для проведения правительственной политики в окраинном регионе. Представители консервативно-патриотической общественности внесли большой вклад в разработку четких критериев «русскости», применимых к коренному населению Северо-Западного края и необходимых для слияния региона с империей. Они также отстаивали идею историко-культурной специфики данной окраины, а, следовательно, заявляли о праве малороссийского и белорусского «племен» на самостоятельное развитие при деятельной поддержке имперских властей и общественных сил России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бадалян Д.А. К национальному самосознанию — от попытки до подвига. Несколько сюжетов из истории славянофильства // *Ортодоксия*. 2021. № 3. С. 73–115.

Бобровский П.О. Можно ли одно вероисповедание принять в основу племенного разграничения славян Западной России (по поводу этнографического атласа Р.Ф. Эркерта). СПб.: Воен. тип., 1864. 51 с.

Бобровских Е.В. Теория «официальной» и «неофициальной» народности: С.С. Уваров и славянофилы // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 183–190.

- Дворниченко А.Ю., Котов А.Э.* Литовско-русская история на страницах одного «провинциального журнала» // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 1(12). С. 117–129.
- Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
- Достоевский Ф.М.* Письмо к И.С. Тургеневу от 17 июня 1863 г. // *Достоевский Ф.М.* Письма. Книга Первая. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 324–326.
- Забывшие страницы польского вопроса: Антология. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 402 с.
- Иванова Г.О.* Михаил Коялович и Иван Аксаков о проблеме Западной России // *Аксаковский сборник. М-во культуры и нац. политики РБ. Нац. музей РБ. Аксаковский музей РБ. Аксаковский фонд*. Отв. ред. Г.О. Иванова. Уфа: Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова, 2005. Вып. 4. С. 91–97.
- Игнатовец Л.М.* Из истории образования Белорусского учебного округа // *Народная асвета*. 2011. № 2. С. 79–82.
- Иосиф (Семашко), митрополит.* Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Тип. императорской Академии Наук, 1883. Т. 1. 745 с.; Т. 2. 786 с.
- Киселев А.А.* Западнорусизм как белорусское национальное движение // *Западная Русь*. 2010. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/81-2010-08-02-14-36-53.html> (дата обращения – 9 января 2023 г.).
- Комзолова А.А.* Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // *Российская история*. 2020. № 2. С. 159–173.
- Корень русской народности // *День*. 1861. № 5. 18 ноября. С. 13–16.
- Котов А.Э.* Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в. // *Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: материалы Международной научной конференции*. Отв. ред В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 323–329.
- Коялович М.О.* О почившем митрополите Литовском Иосифе. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 54 с.
- Коялович М.О.* Поездка в Западную Россию: очерк. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1886. 38 с.
- Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Минск: Беларус. Энцыкл., 2006. 474 с.
- Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М.: Институт русской цивилизации, 2011а. 682 с.
- Коялович М.О.* Где наши силы? // *Шаги к обретению России*. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011б. С. 595–607.
- Миллер А.И.* Народность и нация в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // *Российская история*. 2009. № 1. С. 151–165.
- Мицкевич А.* Сочинения А. Мицкевича. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. Т. I. 348 с.

Москва 18-го ноября // *День*. 1861. № 5. 18 ноября.

Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: коллективная монография. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. 476 с. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 231/1. К. 45. Ед. 61.

Речи при погребении профессора М.О. Кояловича // *ЛЕВ*. 1891. № 36. С. 287–291.

Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 427–439.

Тесля А.А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840–1-й пол. 1860-х годов // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5. № 3. С. 191–216.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1989. 301 p.

Kotov A.E. West-Russian Publicists of the 19th Century // *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. № 2. Pp. 60–76.

Rok 1863 na Mińszczyźnie: (materjały Archiwum Wydziału III Kancelarii Cesarskiej). Zebrali i opracowali J. Witkowski, O. Janiewicz i Lp. Lech. Minsk: накладам Інстытута беларускай культуры, 1927. 216 s.

REFERENCES

Badalyan D.A. K nacional'nomu samosoznaniyu – ot popytki do podviga. Neskol'ko syuzhetov iz istorii slavyanofil'stva [To national self-consciousness – from an attempt to a feat. Several plots from the history of Slavophilism], in *Ortodoksiya*. 2021. No. 3. Pp. 73–115 (in Russian).

Bobrovskij P.O. *Mozhno li odno veroispovedanie prinyat' v osnovu plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoj Rossii (po povodu etnograficheskogo atlasa R.F. Erkerta)* [Is it possible to accept one religion as the basis for the tribal delimitation of the Slavs of Western Russia (regarding the ethnographic atlas of R.F. Erkert)]. St. Petersburg: Military Publ., 1864. 51 p. (in Russian).

Bobrovskikh E.V. Teoriya “oficial'noj” i “neoficial'noj” narodnosti: S.S. Uvarov i slavyanofily [The theory of “official” and “unofficial” nationality: S.S. Uvarov and Slavophiles], in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 2015. No. 5. Pp. 183–190 (in Russian).

Dvornichenko A.lu., Kotov A.E. Litovsko-russkaia istoriia na stranitsakh odnogo “provintsial'nogo zhurnala” [Lithuanian-Russian history on the pages of one “provincial magazine”], in *Russko-Vizantiiskii vestnik*. 2023. No. 1 (12). Pp. 117–129 (in Russian).

Dolbilov M.D. *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: New Literary Review Publ., 2010. 1000 p. (in Russian).

Dostoevskiy F.M. Pis'mo k I.S. Turgenevu ot 17 iyunya 1863 g. [Letter to I.S. Turgenev dated June 17, 1863], in Dostoevskiy F.M. *Pis'ma. Kniga Pervaya* [Letters. Book One]. Moscow, Berlin: Direkt-Media Publ., 2015. Pp. 324–326 (in Russian).

Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa: Antologiya [Forgotten pages of the Polish question: Anthology]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2022. 402 p. (in Russian).

Ivanova G.O. Mihail Koyalovich i Ivan Aksakov o probleme Zapadnoj Rossii [Mikhail Koyalovich and Ivan Aksakov about the problem of Western Russia], in *Aksakovskij sbornik. M-vo kul'tury i nac. politiki RB. Nac. muzej RB. Aksakovskij muzej RB. Aksakovskij fond* [Aksakov collection. Ministry of culture and nat. policy of the Republic of Belarus. National Museum of the Republic of Belarus Aksakov Museum of the Republic of Belarus. Aksakov fund]. Ufa: Memorial house-Museum of S.T. Aksakov Publ., 2005. Is. 4. Pp. 91–97 (in Russian).

Ignatovets L.M. Iz istorii obrazovaniya Belorusskogo uchebnogo okruga [From the history of the formation of the Belarusian educational district], in *Narodnaya asveta*. 2011. No. 2. Pp. 79–82 (in Russian).

Iosif (Semashko), mitropolit. *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoj Akademiiy Nauk po zaveshchaniyu avtora: v 3 t.* [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, published by the Imperial Academy of Sciences according to the will of the author: in 3 vols.]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1883. Vol. 1. 745 p.; Vol. 2. 786 p. (in Russian).

Kiselev A.A. (2010) Zapadnorussizm kak belorusskoe nacional'noe dvizhenie [Western Russianism as a Belarusian national movement], in *Zapadnaya Rus'*. Available at: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/81-2010-08-02-14-36-53.html> (accessed 9 January 2023).

Komzolova A.A. Mitropolit Iosif (Semashko) i reformy narodnoj shkoly v Severo-Zapadnom krae [Metropolitan Joseph (Semashko) and the reforms of the public school in the North-Western Territory], in *Rossijskaya istoriya*. 2020. No. 2. Pp. 159–173 (in Russian).

Koren' russkoj narodnosti [The root of the Russian people], in *Den'*. 1861. No 5. 18 November. Pp. 13–16 (in Russian).

Kotov A.E. Obraz Petra Velikogo v konservativnoj publitsistike vtoroi poloviny XIX v. [The image of Peter the Great in conservative journalism of the second half of the 19th century], in *Petr Velikii: issledovaniia i otkrytiia. K 350-letiiu so dnia rozhdeniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Peter the Great: research and discoveries. To the 350th Anniversary of the Birth: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2022. Pp. 323–329 (in Russian).

Koyalovich M.O. *O pochivshem mitropolite Litovskom Iosife* [About the late Metropolitan Joseph of Lithuania]. St. Petersburg: Department of Appanages Press, 1869. 54 p. (in Russian).

Koyalovich M.O. *Poezdka v Zapadnuyu Rossiyu: ocherk* [Trip to Western Russia: essay]. St. Petersburg: Department of Appanages Press, 1886. 38 p. (in Russian).

Koyalovich M.O. *CHteniya po istorii Zapadnoj Rossii* [Readings on the history of Western Russia]. Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ., 2006. 474 p. (in Russian).

Koyalovich M.O. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam* [The history of Russian self-consciousness according to historical monuments and scientific writings]. Moscow: Institute of Russian Civilization Press, 2011. 682 p. (in Russian).

Koyalovich M.O. Gde nashi sily? [Where are our forces?], in *SHagi k obreteniyu Rossii* [Steps to gaining Russia]. Minsk: The Belarusian Exarchate Press, 2011. Pp. 595–607 (in Russian).

Miller A.I. Narodnost' i naciya v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nye nabroski k istorii ponyatij [Nationality and nation in the Russian language of the 19th century: preparatory sketches for the history of concepts], in *Rossijskaya istoriya*. 2009. No. 1. Pp. 151–165 (in Russian).

Mickevich A. *Sochineniya A. Mickevicha* [Works by A. Mickiewicz]. St. Petersburg: M.O. Wolf Publ., 1882. Vol. I. 348 p. (in Russian).

Moskva 18-go noyabrya [Moscow November 18th], in *Den'*. 1861. No. 5. 18 November (in Russian).

Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intellektual'nom prostranstve: kollektivnaya monografiya [The heritage of the Commonwealth in the imperial intellectual space: a collective monograph]. Ed. by A.Y. Dvornichenko. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2022. 476 p. (in Russian).

Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). F. 231/I. Inv. 45. D. 61.

Rechi pri pogrebenii professora M.O. Koyalovicha [Speeches at the burial of Professor M.O. Koyalovich], in *LEV*. 1891. No. 36. Pp. 287–291 (in Russian).

Samarin Yu.F. Dva slova o narodnosti v nauke [Two words about nationality in science], in *Samarin YU.F. Pravoslavie i narodnost'* [Orthodoxy and nationality]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2008. Pp. 427–439 (in Russian).

Teslya A.A. Slavyanofily i "pol'skii vopros" v 1840–1-i pol. 1860-kh godov [Slavophiles and the "Polish question" in 1840–1st half. 1860s], in *Filosofiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*. 2021. Vol. 5. No. 3. Pp. 191–216 (in Russian).

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 301 p.

Kotov A.E. West-Russian Publicists of the 19th Century, in *The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 60–76.

Rok 1863 na Mińszczyźnie: (materjały Archiwum Wydziału III Kancelarji Cesarskiej). Zebraли i opracowali J. Witkowski, O. Janiewicz i Lp. Lech. Minsk: Nakladam Instytutu bielaruskaj kultury, 1927. 216 p. (in Polish).

Статья принята к публикации 21.09.2023